НЕ ОТВЕЧАЙ ЗЕМЛЕ

ИИ
Александр Лунарский

Александр Лунарский
Не отвечай Земле

https://litres.ru/74637633
SelfPub; 2026

Аннотация

На «Эосе» выходит из строя охлаждение. Ирина Вейл получает сигнал с Земли, требующий немедленного ответа, — но не знает, кому верить: знакомому голосу, предупреждению погибшего оператора или собственным надеждам. Колония ждёт решения, а последствия могут быть необратимы. Что опаснее — промолчать или поверить услышанному?

«Не отвечай Земле» — научно-фантастическая история о связи, которая начинается с сомнения. Героям предстоит отделять факты от страхов, проверять источники и искать общий язык, когда правды недостаточно, а цена решения высока.

Для тех, кто любит фантастику с человеческим нервом и размышляет о доверии и выборе. Эта история напоминает: пауза может быть смелостью, честность — условием безопасности, а зрелое решение — готовностью отвечать за последствия.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Последняя смена на «Эосе» 5
Сигнал из дома 15
Голос, которого не ждали 27
Предупреждение мёртвого оператора 40
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Александр Лунарский
Не отвечай Земле

Не отвечай Земле

Александр Лунарский

Последняя смена на «Эосе»

Ирина Вейл придержала ладонью крышку коммуникационного шкафа и второй рукой подтянула крепление на трубе охлаждения. Под пальцами мелко дрожал металл. На экране мигало предупреждение: расход теплоносителя ниже нормы на семь процентов.

— Только не сегодня, — сказала она.

Труба отозвалась новым дребезгом, будто станция решила ответить.

Ирина выключила звуковой сигнал. Не потому, что он раздражал, — она не хотела, чтобы тревога стала частью общего шума. В тесном отсеке связи и без того гудели вентиляторы, постукивал о стену незакреплённый кабель, а в воздухе стоял запах горячей пыли и старого пластика. «Эос» умела звучать так, словно разваливалась на части. Обычно это означало, что какой-нибудь фильтр пора заменить.

Она проверила давление на входе, сняла крышку фильтровального блока и заглянула внутрь. Сетка была забита серой взвесью. Ирина сняла перчатку, провела пальцем по краю фильтра и тут же поморщилась: кожа ощущала тепло даже сквозь тонкий слой пыли.

— Семь процентов, — доложила она в общий канал. — Причина, вероятно, здесь. Поменяю фильтр и проверю насос.

— «Вероятно» — это хорошее слово для утра, — отозвался из соседнего отсека Малик. — У меня на завтрак тоже было вероятно съедобное пюре.

Ирина усмехнулась. Смены начинались одинаково: короткая шутка, проверка давления, список систем, вода из пакета с кофе, которую она всегда забывала допить. Двенадцать минут на утренний обход. Девять минут на входящие сообщения. Потом доклад командиру.

Сегодня была её последняя смена перед возвращением на Землю.

На магнитной полосе у двери ещё висел бумажный календарь, хотя все расписания давно жили в планшетах. Кто-то нарисовал на нём красную стрелку к сегодняшней дате. Под стрелкой было написано: «Домой». Ирина сама поставила точку, когда объявили, что корабль «Каскад» заберёт экипаж через тридцать шесть часов. Она не считала себя суеверной, но каждый раз, проходя мимо, замечала стрелку.

Она вытащила фильтр, установила новый и запустила насос вручную. Гул стал ровнее. На экране расход медленно пополз вверх: пять процентов, три, один. Ирина обвела показания в журнале и поставила рядом маленькую галочку.

Привычный порядок был похож на перила в темноте. Не спасал от падения, но позволял понять, где край лестницы.

В наушнике щёлкнул сигнал общего канала.

— Экипаж, всем собраться в модуле управления, — сказал командир Лин. Голос звучал спокойно, но слишком чёт-

ко, как на записи. — Получили сообщение с орбиты.

Ирина закрыла шкаф и задержала ладонь на его прохладной дверце. Сообщение с Земли приходило не сразу: иногда по прямой линии, чаще через ретранслятор. Но когда командир просил всех собраться, это обычно означало, что обычным расписанием уже не обойтись.

В модуле управления поместились все пятеро, хотя для этого Томасу пришлось отодвинуть ящик с ремонтными перчатками. Лин стояла у главного экрана. Рядом сидела врач Надя Орлова, поджав под себя одну ногу. Малик прислонился плечом к стене, а геолог Томас всё ещё держал в руке пакет с завтраком.

— По данным с «Каскада» обнаружили расхождение в показаниях клапана топливного контура, — сказала Лин. — Земля требует дополнительной проверки до старта. Наше окно возврата переносится. Предварительно на трое суток. Подтверждение придёт позже.

На экране оставалась одна строка: «План эвакуации: задержан». Слово выглядело слишком коротким для того, что оно сдвигало.

Томас опустил пакет.

— Трое суток — это предварительно?

— Да.

— Значит, может быть и больше.

— Может быть, — сказала Лин.

Никто не спросил, на сколько больше. Этот вопрос не тре-

бовал ответа, чтобы заполнить комнату.

Ирина поймала себя на том, что мысленно перечисляет цифры: запас воды, кислорода, мощность реактора, состояние «Каскада». Это был полезный автоматизм. За ним, однако, уже поднималось другое: а если клапан не починят; если Земля сочтёт их возвращение слишком рискованным; если задержка станет не на трое суток, а на месяц. Она заставила себя не продолжать эту цепочку. Не потому, что страх был глупым. Просто пока он не сообщал ничего нового.

— Что нам известно точно? — спросила она.

Лин посмотрела на неё.

— Сообщение получено. Возвратное окно перенесено. «Каскад» проходит дополнительную проверку.

— И больше ничего?

— Пока ничего.

Томас сел на край стола.

— Я думал, последнюю ночь проведу не у таблиц запасов.

— Ты думал, что будешь спать, — сказала Надя. — Это более смелая фантазия.

Малик хмыкнул, но улыбка вышла короткой. Он смотрел не на Лин, а на панель расписания. С самого начала экспедиции команда привыкла к одной и той же схеме: Земля ставила задачу, Земля подтверждала решение, Земля указывала следующий шаг. Это было разумно, когда связь стабильна, а каждое действие проходит по согласованному протоколу. За годы привычка незаметно стала чем-то большим: без внеш-

него «можно» люди начинали сомневаться даже в том, что умели делать сами.

— Мы не можем решать, когда стартовать, — сказала Лин. — Это решение центра.

— Верно, — ответила Ирина. — Но мы можем решить, что проверим за ближайшие шесть часов.

Командир кивнула, однако не сразу.

— Начнём с текущих задач. Подготовим состояние систем и отправим отчёт.

Обычная фраза. Обычный порядок. Ирина вдруг ясно услышала в ней ожидание: отправить отчёт, дождаться указаний, потом действовать. Как будто экипажу достаточно было удерживать станцию в неизменности, пока Земля возвращает им будущее.

— Давайте на минуту остановимся, — сказала она. — Не для совещания. Для проверки, что мы не смешали уже полученное сообщение с тем, чего оно пока не говорит.

Томас поднял брови.

— Это входит в регламент связи?

— Теперь входит.

Ирина достала планшет и открыла пустую заметку. На экране появились три колонки. Она написала сверху: «Что известно», «Что предполагается», «Чего я боюсь».

— Сначала я, — сказала она. — Известно: окно возврата перенесено на трое суток, потому что на «Каскаде» проверяют клапан. Предполагаю: проверка может затянуться. Бо-

юсь: что Земля найдёт причину оставить нас здесь дольше, чем мы рассчитывали.

Она говорила ровно, но на слове «оставить» почувствовала, как напряглись плечи. Ирина внесла запись в соответствующие колонки. Три простые строки. Никакой магии. Только место, куда можно положить мысль, вместо того чтобы позволить ей ходить по кругу.

— Теперь вы, — сказала она. — Каждый отдельно. Не нужно красиво. Нужно честно.

— А если в колонке «чего я боюсь» будет что-то непрофессиональное? — спросил Томас.

— Тогда мы хотя бы узнаем, что это там есть.

Надя взяла планшет первой. Томас некоторое время разглядывал пустой экран, затем начал печатать. Малик остался у стены, скрестив руки.

Лин произнесла:

— Известно: клапан требует проверки. Предполагаю: Земля не даст старт без полного заключения. Боюсь: что мы начнём компенсировать задержку решениями, на которые у нас нет полномочий.

— Это важный страх, — сказала Ирина. — Его можно превратить в границу: мы не запускаем «Каскад» без разрешения, но можем проверить всё, что в нашей зоне ответственности.

Малик наконец взял планшет.

— Известно: у нас есть три дня по официальному прогно-

зу. Предполагаю: в этот прогноз уже заложен запас. Боюсь, что запаса там нет.

— Хорошо, — сказала Надя, взглянув на него. — Это уже не просто страх. Это вопрос, который можно проверить по расчётам.

Они продолжили. В колонке фактов появились состояние системы жизнеобеспечения, объём запасов, результаты последнего теста посадочного шлюза. В предположениях — возможная длительность ремонта, вероятность дополнительной проверки, сроки следующего окна связи. В страхах — нехватка лекарств, ошибка экипажа, невозможность вернуться домой в этом году.

Последняя строка была у Томаса. Он написал её молча: «Боюсь, что мы перестали знать, что делать без команды с Земли».

Никто не стал шутить.

— Это тоже можно проверить, — сказала Ирина. — Не всю фразу сразу. По частям.

Она попросила каждого назвать одну задачу, которую они могли начать без нового разрешения. Лин составила список. Надя проверяла медицинские запасы и срок годности препаратов, которые понадобятся при продлении пребывания. Малик брал диагностику контура питания «Каскада» по доступной телеметрии. Томас проверял крепления запасных баллонов и состояние внешних датчиков, не выходя за пределы станции. Ирина отвечала за связь, охлаждение передат-

чика и повторную проверку канала на ближайшем окне.

— А я? — спросила Лин.

— Координация, журнал решений и связь с центром, — ответила Ирина. — И ещё одна вещь: если кто-то замечает ухудшение, мы не ждём следующего планового совещания.

— Согласна, — сказала командир.

Распределение задач не отменило задержку. Не сделало Землю ближе. Но тревога перестала быть единственной работой, которой занимались все одновременно.

Ирина вернулась в отсек связи. Насос теперь работал ровно, однако она проверила его ещё раз вручную. Затем сверила температуру передатчика, сняла показания с резервного канала и отправила короткий отчёт. Её руки помнили последовательность: открыть журнал, сравнить порог, зафиксировать время, подтвердить резерв. Простые движения возвращали внимание из несуществующих будущих дней в тесный отсек, где светился экран и пахло нагретой пылью.

На дисплее появились подтверждения от остальных. Надя пересчитала запас лекарств: его хватало на продление пребывания на две недели, если ничего не изменится. Малик обнаружил, что телеметрия «Каскада» приходит с пропуском в четырнадцать секунд, но критических отклонений в доступных данных не было. Томас нашёл ослабленное крепление одного баллона и затянул его по инструкции. Не подвиг. Не решение судьбы экипажа. Просто работа, которую можно было сделать правильно.

Через два часа Лин собрала их снова. Они сверили список и отметили, что осталось проверить. Никто не говорил, будто всё под контролем. Под контролем были отдельные действия, и это оказалось честнее.

— Если задержка продлится, будем пересматривать запасы каждый день, — сказала Надя. — Не раз в неделю.

— Я обновлю таблицу питания и воды, — ответил Малик.

— А по старту? — спросил Томас.

— Ждём подтверждения центра, — сказала Лин. — Но не ждём, прежде чем готовить станцию к любому сроку.

Эта формулировка нравилась Ирине больше прежних. Не «всё будет хорошо». Не «мы должны быть готовы ко всему». Просто: выполнять конкретную проверку сегодня, не выдавая предположение за обещание.

К концу смены она вернулась к бумажному календарю. Красная стрелка всё ещё показывала на сегодняшний день. Ирина сняла лист, но не порвала. Сложила пополам и убрала в карман планшетной сумки. На календаре оставалось место для новой даты, но ставить её было рано.

В жилом модуле чайник уже остыл. Томас чинил застёжку на рукаве комбинезона. Надя подписывала список лекарств. Малик молча смотрел запись телеметрии. Лин читала сводку, ожидая следующего сообщения от Земли.

Ирина закончила смену, но не стала выключать терминал. На панели связи загорелась строка входящего уведомления.

«Окно связи с Землёй перенесено. Задержка передачи —

не менее шести часов. Причина уточняется».

Ирина перечитала сообщение. Затем посмотрела на список задач, где напротив каждого пункта уже стояла фамилия. Станция продолжала гудеть, лампы ровно светили над узким столом, насос охлаждения держал нормальный расход. Всё привычное оставалось на своих местах. Но привычный порядок больше не обещал, что следующий ответ придёт вовремя.

Она внесла уведомление в колонку фактов.

Сигнал из дома

Терминал пискнул, когда Ирина уже сняла перчатки и потянулась за кружкой.

Звук был коротким, сухим, совсем не похожим на сигнал тревоги. Но на этой станции люди давно научились слышать тревогу в том, что не вписывалось в расписание.

На экране появилась строка: «Входящий пакет. Приоритет: командный. Шифрование подтверждено».

Ирина замерла. За узким иллюминатором висела ночь — густая, беззвёздная, с редкими отражениями рабочих огней на поверхности. В жилом отсеке кто-то закрыл ящик. Насос охлаждения гудел с прежней ровностью. Всё вокруг оставалось на своих местах, но теперь каждый звук казался паузой перед ответом.

— Лин, — сказала Ирина в переговорное устройство. — Пакет с Земли.

Ответ пришёл сразу:

— Подтверждаю приём. Собираю всех в командном отсеке.

Шесть часов молчания закончились одним писком.

За это время Лин успел распределить смены и отправить часть экипажа на короткий отдых. Никто, впрочем, не спал по-настоящему. Томас дремал в кресле, не сняв рабочий комбинезон. Надя несколько раз проверяла аптечные кон-

тейнеры. Малик оставался у телеметрической панели и каждые двадцать минут обновлял таблицу связи, хотя в ней не появлялось ничего нового.

Теперь они собрались вокруг терминала. Лин встал за плечом Ирины. На лице у него не было ни паники, ни облегчения. Только усталость человека, которому сейчас предстоит принять решение до того, как он узнает достаточно.

— Сначала заголовок, — сказал он. — Потом содержимое.

Ирина запустила первичную проверку. Полоса расшифровки медленно наполнялась зелёным. Когда она закончилась, на экране появилась команда:

«НЕ ЗАПУСКАТЬ ПОСАДОЧНЫЙ МОДУЛЬ. СОХРАНЯТЬ ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ОЖИДАТЬ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ».

Внизу стояла отметка: «Передача завершена. Ответ не запрошен».

Лин прочитал текст дважды.

— Отменить подготовку к старту, — сказал он. — Немедленно.

— Она ещё не перешла в активную фазу, — отозвался Томас. — Могу остановить процедуру без сброса систем.

— Останови.

Томас уже тянулся к панели, когда из встроенного динамика заговорил знакомый голос:

— Лин, экипаж станции. Не запускайте посадочный мо-

дуль. Повторяю: не запускайте. Оставайтесь на месте. Ожидайте дальнейших указаний.

Голос был тёплым, немного хрипловатым. Голос Мары Коваль, руководителя смены в Центре управления. Они слышали его сотни раз: во время тренировок, плановых сверок, скучных докладов о погоде и однажды — в записи, которую Мара прислала экипажу перед стартом. Тогда она пожелала им вернуться с историями, которые не поместятся в отчёт.

Теперь её голос произнёс приказ, не объяснив его.

Динамик замолчал.

Томас остановил запуск. На панели один за другим погасли зелёные индикаторы предварительной готовности.

— Вот и всё, — сказал Лин. — Мы не запускаем модуль.

— Это действие, — произнесла Ирина. — Не вывод о том, что сообщение проверено полностью.

Лин посмотрел на неё.

— Оно пришло по командному каналу.

— Да. Это уже факт. Но прежде чем назвать источник, канал и смысл достоверными, я хочу увидеть заголовок и исходные данные.

Надя прислонилась к столу. Она держала в руке планшет с расчётами запасов.

— А я хочу понять практический риск. Если мы не стартуем в это окно, следующее доступное будет через двадцать восемь дней. Запасы рассчитаны с небольшим запасом поверх этого срока. Не катастрофа сегодня. Но и не решение,

которое можно принять, не посчитав последствия.

— Приказ не предлагает нам выбирать, — сказал Лин.

— Он предлагает ждать, — возразила Надя. — Я пытаюсь выяснить, что именно мы будем ждать и чем рискуем, пока ждём.

Томас всё ещё смотрел на панель, где погасли индикаторы запуска.

— Я не хочу, чтобы мы решили, будто голос Мары доказывает, что сообщение настоящее.

— Ты думаешь, его подменили? — спросил Малик.

— Я думаю, что не знаю, кто именно отправил пакет. Подпись может быть настоящей, а терминал — скомпрометированным. Или кто-то мог воспользоваться доступом. Или сигнал мог пройти через маршрут, который мы ещё не проверили. У меня нет доказательств подмены. Но отсутствие доказательств подмены — не то же самое, что доказательство правильного происхождения.

Лин скрестил руки.

— Мы не будем запускать модуль. И не будем объявлять сообщение фальшивым только потому, что оно нам не нравится.

— Согласна, — сказала Ирина. — Давайте запишем отдельно то, что видим, и то, чего боимся.

Она открыла на экране пустой журнал и вывела три заголовка: «ФАКТЫ», «ИНТЕРПРЕТАЦИИ», «НЕИЗВЕСТНОЕ».

— Текст команды — в факты, — сказал Лин. — Получен по командному каналу.

— Получение по этому каналу — факт, — уточнила Ирина. — А «командный» пока характеристика из заголовка. Проверим маршрут.

Лин кивнул, неохотно, но без возражений.

Ирина открыла пакет целиком. В верхней части указания стояли три временные отметки. Центр управления создал сообщение в 03:17:04 по земному времени. Ретранслятор принял его через минуту и тридцать пять секунд. На станции пакет появился в 09:22:11. Задержка передачи составляла шесть часов, три минуты и тридцать две секунды.

— Времена сходятся, — сказал Малик. Он быстро сверился с расчётом пролёта сигнала. — С учётом разброса часов — нормально. Маршрут штатный: два ретранслятора, никаких новых узлов. Приёмник не фиксировал повторной передачи или обрыва.

— Значит, канал чистый? — спросила Надя.

— Значит, мы не видим признаков сбоя на участке, который записан в журнале. Это не одно и то же.

Томас поднял голову:

— Скопируй сырой пакет до любых дальнейших действий. На два независимых носителя. И зафиксируй контрольную сумму.

Ирина посмотрела на него.

— Уже делаю.

Она сохранила исходный файл, затем его копию. Терминал вычислил контрольные суммы; оба значения совпали. Томас проверил подпись пакета по ключу Центра управления. Сертификат оставался действительным, подпись проходила проверку.

— Целостность подтверждена, — произнёс он. — Пакет не изменился после формирования. Ключ авторизации действующий.

Лин выдохнул, словно дождался нужной строчки.

— Значит, Земля прислала приказ.

— Значит, пакет сформирован с использованием действующего командного ключа, — поправил Томас. — Он не называет человека, который работал за терминалом. И не подтверждает, что Мара лично отправила запись.

— Голос совпадает, — сказала Надя.

— Голос знаком, — ответила Ирина. — Это наблюдение. Но аудиозапись сама по себе не устанавливает происхождение команды.

Она открыла карточку отправителя. Источник значился как «Центр управления, оперативная смена». Поля с именем конкретного оператора не было. В аудиофрагменте слышался голос Мары, но файл не содержал отдельной голосовой подписи, а отпечаток тембра можно было проверить лишь приблизительно.

— У нас нет признаков, что сообщение подделано, — сказала Ирина. — У нас есть признаки, что пакет целый и под-

писан разрешённым ключом. Это важная разница.

— А смысл? — спросила Надя. — Он хоть однозначный?

Ирина перечитала текст.

— В одном отношении да: модуль не запускать, положение сохранять, ждать дальнейших указаний. В остальном нет. Не указано, сколько ждать. Не сказано, какая опасность обнаружена. Не сказано, относится ли запрет только к этому окну или ко всем последующим попыткам запуска.

— Не объяснили ничего, — сказал Малик.

— Это не одно и то же, что «ничего не знают», — ответил Лин. — Возможно, им нельзя передавать детали по открытому каналу.

— Канал зашифрован, — заметил Томас.

— Возможно, есть другие ограничения, — сказал Лин. — Мы не знаем.

— Это уже интерпретация, — напомнила Ирина.

Она записала слова командира в соответствующую колонку. Лин посмотрел на неё, но не стал спорить. Через минуту он сам подошёл к экрану.

— Моя интерпретация: в Центре обнаружили риск, который считают достаточным, чтобы остановить запуск. Мой страх: мы что-то пропустили при проверке модуля. Факты: риск не указан, а команда подписана действующим ключом.

Надя опустила планшет.

— Моя интерпретация: они могут пытаться предотвратить медицинскую или техническую аварию. Мой страх: ес-

ли мы пропустим окно, мы окажемся в ситуации, где любой сбой запасов станет серьёзным. Факты: сейчас команда здорова, убежище функционирует, запасы рассчитаны на срок до следующего окна, но запас прочности небольшой.

Томас потер ладонью лоб.

— Моя интерпретация: пакет мог пройти через настоящий командный ключ без участия Мары. Мой страх: мы доверимся знакомому голосу, а потом обнаружим, что источник был не тем, за кого себя выдавал. Факты: подпись проходит проверку, маршрут штатный, признаков вмешательства нет.

Малик помолчал дольше остальных.

— Моя интерпретация: задержка связи объясняет, почему мы не получили пояснение одновременно с приказом. Мой страх: мы начнём приписывать задержке любой смысл — сбой, угрозу, сокрытие. Факт: причина задержки в новом сообщении не названа.

Все посмотрели на Ирину.

— Моя интерпретация: Центр хочет, чтобы мы подчинились быстро. Мой страх: если мы зададим слишком много вопросов, потеряем время, а если не зададим ни одного — потеряем возможность понять, чему именно подчиняемся. Факт: я хочу, чтобы голос Мары означал, что кто-то о нас заботится. Но содержание приказа не даёт мне такого подтверждения.

В отсеке стало тихо. За стеной продолжал работать на-

сос. Через вентиляционную решётку тянуло сухим воздухом, пахнущим пылью фильтров и нагретым пластиком.

— Получается, мы все придумали разные причины, — сказала Надя.

— Мы заполнили пустое место, — ответила Ирина. — Это нормально. Важно не принять заполнение за сообщение.

Лин провёл пальцем по краю стола.

— Мы исполним приказ. Модуль остаётся в безопасном режиме. Подготовку к запуску не возобновляем до уточнения. Одновременно отправим подтверждение приёма и вопросы по пунктам.

— Подтверждение, — повторила Ирина. — Не согласие с тем, чего в сообщении нет.

— Именно.

Они составили протокол прямо на экране. В первой строке указали происхождение: заявленный отправитель, время создания, действительность ключа, отсутствие персонального имени оператора. Во второй — канал: стандартная последовательность ретрансляторов, временные отметки согласуются, признаков обходного маршрута не обнаружено. В третьей — целостность: исходный пакет и его копия сохранены, контрольные суммы совпадают, подпись действительна.

Отдельной строкой записали точный текст команды. Не пересказ, не вывод, а именно те слова, которые пришли с Земли. Затем перечислили вопросы, на которые сигнал не отвечал: причина запрета, срок действия, условия отмены,

дата следующей инструкции, допустим ли запуск после закрытия текущего окна.

Ирина добавила четвёртый пункт — интерпретации экипажа. Каждый вариант был отмечен как гипотеза, а не как установленное объяснение. Ни один не получил преимущество только потому, что звучал убедительнее остальных.

Внизу Лин поставил свою подпись.

— Теперь у нас есть общий список, — сказал он. — Не общее мнение.

— Иногда этого достаточно, чтобы не совершить глупость, — ответила Ирина.

Томас подготовил модуль к длительному ожиданию. Надя пересчитала расход медицинских запасов на случай задержки. Малик собрал телеметрию и проверил, не менялись ли параметры связи в момент приёма пакета. Лин отправил короткий ответ: приказ получен, запуск остановлен, экипаж ожидает подтверждения источника, причин запрета и срока действия.

Перед отправкой Ирина ещё раз перечитала сообщение Земли. Теперь оно не казалось ни приказом из пустоты, ни спасительным голосом, ни доказательством надвигающейся катастрофы. Это был пакет с точным текстом, определённым временем и проверяемой подписью. И с отсутствующими ответами.

— Ответ придёт не раньше чем через шесть часов, — сказал Малик.

— Если придёт, — произнесла Надя.

Лин посмотрел на неё.

— Мы не будем превращать молчание в подтверждение худшего.

— Не будем, — согласилась она. — Но и не будем притворяться, что ожидание ничего нам не стоит.

Ирина внесла эту фразу в журнал, хотя в графу фактов она не подходила. Впервые за много часов команда снова знала, что делать в ближайшие минуты: сохранить данные, не запускать модуль, следить за системами, ждать уточнений. Будущее оставалось туманным, но у каждого следующего действия появилось основание.

Когда протокол был закрыт, терминал коротко мигнул. На резервном приёмнике появилась отметка о слабом аудиофрагменте, зарегистрированном почти одновременно с командным пакетом. Источник не определился. Длительность — меньше секунды. Содержимое не восстановлено.

Ирина не стала включать запись. Сначала она сохранила её в отдельный архив и присвоила номер. Потом отметила в журнале: «Не связан с командным пакетом. Требует проверки».

Лин задержал взгляд на этой строке.

— Завтра разберёмся.

За иллюминатором по-прежнему лежала тёмная поверхность. Где-то над ней, на орбите, ждал корабль, а в доке станции стоял модуль, который должен был вернуть экипаж к

нему. Земля знала, что они готовы к запуску. Земля велела ждать. И ни одна из проверок не объяснила почему.

Ирина выключила звук терминала, но не сам приёмник.

Почему Земля запрещает им возвращаться?

Голос, которого не ждали

Ирина дождалась, пока Лин уйдёт из рубки, и открыла архив не на основном экране, а на резервном приёмнике. Так ей было спокойнее: будто маленькая запись, запертая в отдельном контуре, меньше могла навредить.

Сначала она сделала три копии файла. Одну убрала в холодное хранилище, вторую оставила для анализа, третью отметила как контрольную. Терминал вывел контрольные суммы. Ирина сверила их дважды, внесла в журнал время, параметры сигнала и отсутствие определённого источника.

Потом открыла аудио.

На спектрограмме виднелась узкая полоска звука, меньше секунды: короткий всплеск, едва различимый выдох, обрыв. Ирина включила исходник без фильтров.

Из динамика донеслось шипение, сухой щелчок, и женский голос произнёс:

— Ира.

Звук закончился раньше, чем Ирина успела вдохнуть.

Она не шевельнулась. Комната осталась той же: серая панель, чашка с остывшим чаем, светодиод над дверью. Но теперь каждый предмет будто отодвинулся от неё на несколько метров.

Голос Лены.

Не просто похожий. Тот же низкий, чуть хриплый оттенок

на гласных. Та же короткая пауза перед именем. Та же привычка произносить «Ира» не как сокращение, а как отдельное слово, которому надо дать место.

Ирина потянулась к кнопке воспроизведения.

Пальцы остановились над экраном.

— Запись не повторять без свидетеля, — сказала она вслух.

Это прозвучало нелепо. Именно поэтому помогло. Она отодвинула ладонь, закрыла файл и отправила Лину запрос на срочное совещание. Затем добавила к вызову Марата, отвечавшего за связь и обработку сигналов.

Лин пришёл первым. На нём был тот же рабочий комбинезон, только застёжка у воротника оставалась расстёгнутой. Он посмотрел на отметку архива, потом на Ирину.

— Ты слышала?

— Пока нет. Я сохранила запись.

— Тогда хорошо.

— Я сказала, что пока не слушала.

— Я знаю. Хотел сказать: хорошо, что сохранила.

Марат вошёл с планшетом и, увидев выражение их лиц, сразу перестал шутить.

Ирина вывела запись на отдельный экран.

— Исходник меньше секунды. Сначала слушаем один раз. Без очистки и замедления. Потом каждый запишет, что услышал. До обсуждения.

— Даже если там только шум? — спросил Марат.

— Особенно если там только шум.

Лин сел у стены, скрестив руки. Марат подключил наушники, но Ирина попросила оставить звук через общий динамик: она не хотела, чтобы каждый слушал свою версию, отрезанную от остальных.

Она нажала воспроизведение.

Щелчок. Шипение. Выдох.

— Ира.

Марат снял наушники, хотя они не были на нём.

— Это Лена Орлова.

— Ты услышал имя? — спросил Лин.

— Я услышал, как она произнесла имя Ирины.

— Это не одно и то же, — сказала Ирина. — Запишите, пожалуйста.

Они взяли планшеты. Несколько секунд никто не смотрел друг на друга. Ирина набрала: «Ира». Не «Ирина», не «Ира, слушай», не «Ира, это я». Только два слога, один из которых почти утонул в шуме.

Марат написал то же самое.

Лин задержал палец над экраном и вывел: «Женский голос. Похоже на “Ира”».

— Почему не уверенно? — спросил Марат.

— Потому что фрагмент короткий. Я слышал имя, но не могу определить, что именно было сказано до него и после. Если мы начнём дорисовывать, запись этого не исправит.

Ирина посмотрела на его строку. Он не спорил с ней. Он

оставлял место для сомнения. Это было труднее, чем назвать голос подделкой или чудом.

Марат открыл спектральный анализ.

— Частотный диапазон сужен. Канал старый или сигнал прошёл через несколько преобразований. В выдохе есть фоновые колебания, но их недостаточно, чтобы уверенно определить микрофон.

— А голос? — спросила Ирина.

— Могу сравнить с архивом. Но результат покажет сходство с образцами, не то, кто говорил.

Лин кивнул:

— Сравни. Исходник не трогать.

Марат создал рабочую копию и запустил сопоставление с голосовыми фрагментами Лены из исследовательского архива. Пока терминал считал, Ирина смотрела на пустой участок экрана, где только что было имя.

Лена погибла четыре года назад на выездной станции. Так говорилось в отчёте. Так говорилось в сообщении, которое Ирина перечитывала ещё долго после того, как перестала ждать исправления. В последнем разговоре Лена рассказывала о засорившемся фильтре и обещала передать смене данные. Никакого прощания не было. Не было даже последнего слова. Только обычный голос, занятой и живой.

Ирина знала, как легко память подменяет недостающую часть. Стоило услышать знакомую интонацию, и мозг сам достраивал лицо, выражение глаз, продолжение фразы. Иногда

он делал это так умело, что человек принимал надежду за доказательство.

Терминал выдал результат.

— По нескольким параметрам сходство высокое, — сказал Марат. — Тембр, характерные переходы между гласными, ритм. Но образцы записаны на другом оборудовании. И короткий фрагмент можно скопировать или синтезировать на основе архива. Совпадение не установит источник.

— Значит, запись похожа на Лену, — произнесла Ирина.

— Да.

— Но не доказывает, что это Лена.

— Именно.

Лин посмотрел на неё, проверяя, выдержит ли она эту формулировку. Ирина выдержала. Она даже кивнула.

В этот момент загорелся индикатор общего канала.

Звук прозвучал в рубке резко и громко. Короткий сигнал, сухое шипение, и голос заполнил помещение:

— Ира, не отвечай Земле.

Ирина вскочила. Её рука легла на панель передачи раньше, чем мысль успела догнать движение.

Лин накрыл ладонью кнопку.

— Не передавай.

— Это она.

— Это голос Лены, — сказал он. — Я не знаю больше.

Его пальцы не давили на её руку, но удерживали кнопку закрытой. Ирина почувствовала под ладонью тёплый пла-

стик. На экране мигал индикатор общего канала. Сигнал уже закончился, но в ушах продолжал звучать голос.

Марат смотрел на приёмник.

— Источник опять не определился. Вход через общий канал, но маршрут не совпадает с обычной цепочкой.

— Запись цела? — спросил Лин.

— Сохраняю.

Ирина убрала руку. Только теперь заметила, что Лин всё ещё держит её запястье. Он отпустил сразу.

— Каждый записывает дословно, — сказала она. — Пока ничего не объясняем. Не обсуждаем, кто передал и зачем. Только слова.

Марат первым склонился над планшетом. Лин остался стоять, но тоже открыл журнал. Ирина написала: «Ира, не отвечай Земле».

Они разошлись в написании лишь в одном. Марат поставил запятую после «Ира». Лин отметил, что начало могло быть обращением, а могло звучать как два слитых слова. Ирина оставила пунктуацию, но добавила рядом: «Пунктуация условна».

— Я услышал «Ира, не отвечай Земле», — сказал Марат. — Именно Земле. Не «им».

— Я тоже, — ответил Лин. — Но пока мы знаем только последовательность слов. Не знаем, что под «Землёй» подразумевается.

Ирина перечитала собственную запись. Ей хотелось

немедленно заполнить пустое место: Лена предупреждала их, Лена жива, Лена знала, что произошло. Хотелось спросить, где она и почему молчала. Вопросы выстроились один за другим, готовые к передаче по любому открытому каналу.

Она не задала ни одного.

— Повтори сообщение своими словами, — попросила она Лина.

Он слегка нахмурился, но ответил:

— Я услышал короткое сообщение голосом, похожим на голос Лены. В нём обращаются к тебе и просят не отвечать Земле.

— Хорошо. Что ты услышал, но не можешь подтвердить?

— Кто именно говорит. И что означает «не отвечай».

Ирина повернулась к Марату.

— А ты?

— Я услышал тот же текст. Не услышал названия станции, координат или причины. Не могу подтвердить, что это живой голос, а не запись.

— Я тоже не могу подтвердить источник, — сказала Ирина.

Она проговорила это медленно, как будто каждое слово нужно было отделить от следующего. Лин убрал руку с её планшета, на который смотрел, не касаясь.

— Можем проверить канал и архивные образцы, — сказал он. — А отвечать будем потом, если появится причина.

— Она сказала не отвечать, — заметил Марат.

— Это тоже часть сообщения. Но указание не становится надёжным только потому, что голос нам знаком. Мы пока не знаем, кто его передал.

Он говорил жёстко, но не холодно. Ирина услышала не запрет верить Лене, а просьбу не отдавать неизвестному сигналу управление.

Марат вывел техническую схему канала. Команда просмотрела маршрут пакета, проверила журнал ретрансляторов, временные метки и контрольные суммы. Сообщение пришло через внутреннюю линию станции, но в цепочке обнаружился пустой промежуток: сигнал вошёл в систему на локальном распределителе и не оставил отметки о внешнем источнике.

— Это может быть неисправность, — сказал Марат. — Старый узел, потерянный пакет, ручной ввод. Или подмена. По одной записи не различить.

— А откуда он мог получить голос Лены? — спросил Лин.

— Из архива. Здесь хранятся её записи. Из наших старых разговоров. Из любого резервного массива, куда попали образцы.

Ирина провела пальцем по краю стола.

— Личный архив Лены был закрыт после расследования.

— Закрыт для доступа через обычный интерфейс, — уточнил Марат. — Это не значит, что данные невозможно было скопировать раньше. Но я не говорю, что их копировали. Я говорю, что мы этого пока не проверили.

На общем канале снова мигнул индикатор.

Все трое посмотрели на него.

На этот раз Ирина успела отвести руки от панели. Марат включил запись, Лин закрыл исходящую передачу. Голос прошёл через помещение с тем же узким шипением, словно кто-то говорил из-за стены:

— Ищи сектор К-17. За старым шлюзом.

И снова тишина.

Ни приветствия, ни объяснения. Ни одного слова сверх необходимого.

Ирина чувствовала, как сердце бьётся у основания горла. Она хотела произнести имя Лены, но удержалась. Не потому, что поверила приказу. Потому что пока не знала, кому задаёт вопрос.

— Записываем, — сказала она.

На этот раз все действовали быстрее. Ирина занесла: «Ищи сектор К-17. За старым шлюзом». Марат написал: «Проверь сектор К-17, расположенный за старым шлюзом». Он добавил слова, которых не было, и тут же зачеркнул.

Лин записал: «Ищи К-17. За старым шлюзом». В его версии слово «сектор» звучало неразборчиво.

— Ещё раз, — попросил Марат.

Ирина посмотрела на него.

— Исходник уже сохранён, — объяснил он. — Я хочу прослушать без очистки. Не для того, чтобы получить более красивую версию. Чтобы проверить, слышу ли я то же самое,

когда знаю, чего ждать.

Лин включил запись на малой громкости. Голос повторил фразу.

— «Ищи сектор К-17», — сказал Марат. — Слово «сектор» есть. Теперь я его слышу.

— Или теперь ожидаешь, что оно там будет, — ответил Лин.

— Возможно. Но на спектрограмме перед обозначением есть отдельный слог.

— Это подтверждает слог. Не намерение.

Ирина выдохнула. Они спорили не о том, жива ли Лена. Они разбирали звуковую последовательность, не позволяя одному вопросу поглотить остальные.

— Перескажи, что мы знаем, — попросила она Марата.

— Запись содержит фразу, которую большинство из нас слышит как «Ищи сектор К-17. За старым шлюзом». У нас есть старые планы станции. В них обозначен сектор К-17 за прежним грузовым шлюзом. В нынешних схемах его нет.

— Что мы предполагаем?

— Что говорящий хотел направить нас туда. Что голос принадлежит Лене. Что сектор скрыт намеренно. Ни одно из этих утверждений не подтверждено.

— Хорошо.

Лин открыл старую схему станции. К-17 находился в сервисном кольце за грузовым шлюзом, который использовали до реконструкции дока. Само обозначение отсутствовало в

текущей планировке. Вместо него на панели тянулся ровный серый участок без подписей.

— Почему его убрали с карты? — спросила Ирина.

— Могли перестроить участок, — сказал Марат. — Могли закрыть. Могли удалить старый номер, чтобы не путать экипаж. Пока это только догадки.

— Проверим технический журнал и состояние шлюза, — решил Лин. — Не открываем ничего удалённо. Сначала осмотр, давление, питание, аварийный контур. Идём вдвоём, с линией возврата.

Он не спросил Ирину, хочет ли она пойти. Она поняла это как доверие и как осторожность: решение не должно было превращаться в её личный поиск.

— Я пойду, — сказала она. — Но не одна.

— Марат идёт с тобой. Я останусь на связи и проверю маршрут.

Они подготовили переносной датчик атмосферы, фонари и страховочную катушку. Ирина положила личный передатчик в карман, не включая его. Общий канал оставался на приёме. Она не собиралась отвечать Земле, но и не хотела принимать фразу неизвестного источника за правило, которому надо подчиниться без проверки.

Перед выходом она снова посмотрела на запись. На экране лежали три текста: исходный фрагмент, личные заметки экипажа и техническое описание. Рядом с каждым были отметки времени. Голос пока принадлежал не человеку, а сиг-

налу. Фразы пока были только фразами.

На пути к старому шлюзу стены постепенно менялись. Гладкие панели сменились ребристыми секциями, на которых сохранились следы прежней маркировки. Станция казалась здесь не просто старой, а забытой: трубы уходили за покрытые пылью кожухи, кабели исчезали в стене, таблички были срезаны вместе с болтами. Датчик не показывал утечки. Питание на участке оставалось минимальным.

У закрытой створки Марат провёл фонарём по металлу. Под слоем серой пыли проступили буквы:

К-17.

— Значит, сектор существует, — сказал он.

— Мы подтвердили, что существует дверь с этой маркировкой, — ответила Ирина. — Не больше.

Марат коротко усмехнулся.

— Ты говоришь точнее, чем я думаю.

— Это не одно и то же.

— Иногда помогает.

У створки обнаружилась вторая панель — старая, почти утопленная в стену. На ней сохранился механический порт и маленький экран без подсветки. Марат подал питание через диагностический кабель, не подключая внутреннюю линию станции.

Экран вспыхнул.

Сначала появилась таблица обслуживающего оборудования. Затем список дежурных линий, давно отмеченных как

отключённые. Последняя строка была обрезана краем панели. Ирина приблизила изображение.

«Пост оператора. Веденин, О. Статус: погиб. Доступ: запечатан после аварии».

— Кто такой Веденин? — спросил Марат.

Ирина не ответила. Она уже видела фамилию в старом журнале станции, но не помнила, где именно. Лин включился по связи:

— Ничего не открывать. Скопируйте экран и вернитесь. Я подниму архивный журнал оператора.

Ирина сделала снимок. Пока файл сохранялся, на старой панели загорелся крошечный зелёный индикатор.

Марат отступил на шаг.

— Питания на операторской линии нет.

— Проверяй кабель, — сказал Лин в наушнике.

Индикатор погас.

Ирина не стала называть это ответом, предупреждением или знаком. Она записала время, состояние панели и то, что увидела. Потом убрала планшет.

В коридоре за их спинами осталась дверь с номером, которого не было на нынешних картах. А в журнале станции уже лежала запись о погибшем операторе, чей пост, судя по отметке, однажды пришлось запечатать.

Предупреждение мёртвого оператора

— Архив поднят, — сказал Лин в наушнике. — Веденин не оператор. Он подписал заключение по аварии. Погибший — Матео Риос, сменный оператор ретранслятора. Его пост и есть помещение за этой дверью.

Ирина посмотрела на номер, которого не было на карте. На краю металлической таблички темнел след от сорванной пломбы.

— Авария из-за чего?

— По официальному заключению, разгерметизация сервисного отсека при несанкционированном обходе блокировки. Причина смерти — отказ скафандра.

Марат провёл перчаткой над замком, не касаясь его.

— Значит, у нас есть заключение, которое написал Веденин, и человек, который оставил записи внутри. Сначала проверим, что можем проверить.

Это было не приказом открыть дверь. Скорее напоминанием, что дверь не обязана скрывать ответ только потому, что за ней давно никто не бывал.

Лин сообщил давление в отсеке: нормальное. Излучение: фон станции. Температура: на два градуса ниже коридорной. Движения воздуха за дверью не было. Ирина проверила

показания собственным датчиком, затем осмотрела замок. Пломба была старой, но не целой: на металле остались две узкие борозды, будто кто-то пытался поддеть её инструментом.

— Следы могли оставить ремонтники, — сказала она.

— Могли, — согласился Марат. — Запишем именно так. Не «кто-то пытался проникнуть», а «на пломбе есть борозды».

Ирина отметила время и состояние двери на планшете. Лишь после этого они сняли остаток пломбы и открыли замок механическим ключом.

Пахнуло пылью, нагретым пластиком и слабым металлическим запахом старой электроники. В узком помещении вдоль стен стояли шкафы с кабелями и блоками питания. На рабочем столе лежали инструменты, аккуратно уложенные в выемки. Под стеклом застыл бумажный график смен, пожелтевший по краям. На последней странице кто-то написал от руки: «Не подключать».

Ирина задержала на ней фонарь.

— Это может относиться к любому блоку, — сказал Марат.

— Да. Поэтому сначала посмотрим, к чему именно.

На столе обнаружился тонкий журнал в серой обложке. Рядом — старый звуковой накопитель, соединённый с панелью коротким кабелем. Лин подтвердил, что внешнего питания в линии нет.

— Зелёный индикатор, который вы видели в коридоре, мог вспыхнуть от остаточного заряда, — сообщил он. — Состояние цепи сейчас не подтверждает активность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.